

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата философских наук, доцента Кузина Ивана Владиленовича о диссертации **Мартыновой Светланы Александровны** «**Антропология предела и стратегии формирования субъективности**», представленной к защите на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Представленная к защите диссертация, вне всякого сомнения, является актуальным исследованием, направленным на определение условий личной и социокультурной самоидентификации, в процессе которой одно из решающих значений имеет опыт переживания и рефлексии предела.

Описанные в исследовании индивидуальные и социальные практики, через которые раскрывается феномен предельной субъективности, создают дескриптивный фундамент для его концептуального осмысления. К содержательной его стороне могут быть отнесены интенсивность переживания личной судьбы, драматургическая напряженность отношения с другими («чужими»), становление субъективности в накоплении и растрате жизненной энергии, в ее сгущении и разрядке в борьбе за самоактуализацию в бытии. В осознании своей пограничности человек оказывается радикальной субъективностью, сочетающей в себе «Космос» и «Абсолют», предельное и беспредельное, стазис и экстазис.

В первой главе дается обстоятельный историко-философский обзор концепций, в которых содержатся теоретические предпосылки для формирования антропологии предела как стратегии, ведущей к пониманию опыта субъективности.

Обнаруживая в исторически и культурно различающихся между собой учениях значимые черты индивидуального существования, автор вводит в категориальный аппарат философской антропологии обобщающее понятие предельной (радикальной) субъективности. Логика развития данного понятия

обусловила появление сопутствующих ему ключевых понятий (художник-как-свидетель, топологический диссонанс, я-центрация, лжефронтир), благодаря которым автор стремится охарактеризовать факт порождения определенности субъекта как предельности человеческого существования.

В своем анализе данной событийности автор больше внимания уделяет античной традиции осмысления «предела», нашедшей свое выражение в космологии, в пифагорейском учении о числе и в культуре пайдеи. Должным образом была рассмотрена христианская антропология взаимодействия предельного и беспредельного, которое нашло свое отражение в катафатическом и апофатическом дискурсах, дающих понимание необходимости преобразования человека в акте метанойи.

Во второй главе продолжена историко-философская аналитика становления идеи предела как антропологического концепта. Здесь показано, в каком смысле критика способности суждения, произведенная Кантом, позволяет более четко схватить различие природы и разума, а также отмечается важность фиксирования границ разума при его устремленности к беспредельности. Вместе с тем возможность согласования природы и разума обозначается через эстетическую способность суждения, где утверждение разумного порядка «обозначает предел субъективного» (с. 48).

В этой же главе при обращении к эпохе модерна дано осмысление фигуры художника как свидетеля, отказывающегося «предписывать вещам и явлениям символический порядок» (с. 57). В результате, через хайдеггеровское истолкование позиции субъекта делается вывод, что формирование субъективности связано с преодолением позиции, которая ограничивает субъекта опытом присвоения мира и лишает его возможности бытийствовать на грани невозможности представления. В такого рода полагании, о чем свидетельствует художественная практика, мы испытываем потрясение, выводящее нас за узкие рамки индивидуального существования.

Таким образом, в творческом акте символически объективированные ряды жизни (*при обязательной проицаемости их субъективными интенциями*) образуют онтологически значимую событийность, на антропологическом уровне

опознаваемую как радикальная субъективность.

В третьей главе автор обращается к телесно-чувственному бытию человека. Собственное тело человека, будучи самым ближайшим, во многом первичным и очевидным полюсом самовосприятия, тем не менее именно в таком качестве отдаляет человека от понимания содержащегося в нем смыслового горизонта. Как отмечается в исследовании, уже в античности этот горизонт маркировался через топологические характеристики, имеющие «отношение к суждению» (с. 70). Здесь объединяются чувственное и рефлексивное, индивидуальное и общее. Социокультурное пространство, представая наиндивидуальным принципом, расширяя индивидуальный телесный опыт, становится источником формирования субъективности.

Следует признать очень удачным выбор литературного материала, с помощью которого в исследовании иллюстрируется указанная идея. Благодаря анализу творчества Достоевского, Платонова и Белого, а также посвященным им исследованиям В. Подороги, была объяснена суть разъятия мнимого рефлексивного единства телесного существования субъекта. В открывшемся топологическом просвете заявляет о себе становящаяся радикальная субъективность, особенностью которой оказывается «утрата тождественности субъекта самому себе» (с. 76), «поскольку доминанте разума противопоставляется телесно-пространственное бытие человека» (с. 72).

Тем самым на основе проведенного анализа можно сделать вывод, что радикальная субъективность, порывая с привычно устоявшимися смыслами, находясь в состоянии топологического диссонанса, формируется как в социальном опыте революционности, так и в религиозном опыте мистичности, которые задают иной предел экзистенциальных переживаний, собирающих субъекта в единство. Для того и другого опыта принципиально значимым оказывается проектное мышление.

Проектность мышления способствует преодолению сопротивления материи личной биографии и выходу из своего ничто (из места произведенного разрыва со своим прошлым) к искомому бытию, к обновлению рождения. Методологически совершается проброс вдаль к спроектированному миру, где может быть обретено

признание. При этом позиция проектного субъекта не отстраненная, когда предполагаются возможными, например, объективные суждения о существующем положении вещей, благодаря их всестороннему обзору как целого. Его позиция отнесена к такому внемирскому топосу, через который всё только и подлежит восприятию.

В четвертой, заключительной главе, дается рассмотрение «антропологии предела в социокультурном пространстве» (с. 104). Здесь автору было важно обнаружить в работе социального механизма такие характерные ситуации и функциональные сбои, через которые выявлялась бы радикальная субъективность. Для решения этой задачи тема освещается с двух сторон, с одной – через раскрытие сущности «исключительной нормы» поведения, учреждаемой в обществе, с другой – через описание условий, способствующих преодолению социальной депривации.

Введение «исключительной нормы» как инструмента функционирования общества является отражением негативной предельности субъекта, которая неотрывна от его природы, и поэтому она должна быть вписана в структуру социума и адекватно им адаптирована ради реализации своих общих целей.

Похожая задача стоит перед обществом, когда оно сталкивается с очевидными проявлениями радикальной субъективности в случаях необычной психической организации жизни, в частности, в связи с необходимостью понять специфику поведенческого опыта упорядочивания мира аутиста.

В этой части исследования достаточно лаконично, но содержательно насыщено был раскрыт мир аутиста и объяснены особенности его восприятия и специфика его отношения к миру.

Для аутиста травматична встреча с миром, который переполнен непредсказуемыми смысловыми содержаниями, поэтому решение этой проблемы он находит в достаточно жесткой структуризации мира. В этом процессе создания своего, освоенного, мира задается предельная субъективность, для которой социализация оказывается весьма затруднительной.

Вещь, которая оказывается вписанной в устойчивый порядок мира аутиста, располагается в цепочке множественных чувственных связей, линии которых

прочерчиваются и запечатлеваются в сознании аутиста. Влечением к такому порядку во многом определяется его повышенное внимание к внешнему миру как гаранту надежности. Он картирует свою жизнь посредством прямой соотнесенности с вещами, в то время как более высокая степень неустойчивости положений другого человека в мире обуславливает процесс торможения в установлении с ним коммуникации, что и влечет за собой отказ от нее. Это позволяет аутисту очертить свои собственные границы и зафиксировать субъектность своего статуса в бытии. Создаваемый индивидуальный символический порядок закрепляется им не в общении, а на письме, которое становится способом актуализации его внутреннего состояния, являющегося продолжением его телесной встроенности во внешний порядок чувственно-переживаемых данностей.

Здесь выделяется иной вектор в определении предельной субъективности, нежели тот, который был проведен во второй главе, где такое определение давалось через призму эстетической способности суждения. Аутист дезавуирует такой эстетический взгляд на окружающие вещи, в котором они утрачивали бы непосредственность своего значения. Однако само эстетическое полностью не элиминируется, наоборот, оно получает новое смысловое наполнение, а именно, что на пересечении индивидуально «символического и телесного становится видно сближение чувственного переживания как эстетического отношения к миру, истоки которого заложены античностью, со стремлением к внутренней организации субъективности предела» (с. 147).

Таким образом, философско-антропологическое прояснение предъявляющей себя радикальной субъективности в указанном аспекте позволяет не только понять саму ее природу, но и выработать на этой основе стратегии социального взаимодействия с аутистом.

В целом диссертация производит хорошее впечатление, она свидетельствует о высоких аналитических способностях автора, о проделанной им в научном отношении обстоятельной работе, представляющей последовательное и логически продуманное раскрытие оригинального авторского замысла, осуществление которого позволило решить поставленные задачи.

Вместе с тем в исследовании содержится ряд положений, вызывающих вопросы, ответы на которые позволят снять возникающее недопонимание. В данном случае к основным замечаниям можно отнести недостаточную ясность значений понятий «субъект» и «субъективность», используемых автором в разных контекстах.

Не всегда можно понять, что имеется в виду, когда данные понятия вводятся в контекст античной философской традиции. Так, например, когда упоминается философия Платона, то, что в большей степени отвечает этим понятиям в его философии – идея, человек в целом, Благо или что-то другое? Точно также и в случае с философией Аристотеля – форма, сущность, энергия, Перводвигатель или что-то еще, как и при обращении к философии Плотина – душа, ум, Единое? В отношении новоевропейского типа мышления тоже хотелось бы большей терминологической точности, чтобы избежать возможных затруднений, – всегда ли под субъектом имеется в виду субъект трансцендентальный, а не психологический, или под ним вовсе подразумевается субъект средневековой схоластики? Весь этот напрашивающийся спектр значений может приводить к сомнениям в правильности восприятия историко-философского обоснования предмета исследования.

Тем не менее именно историко-философский анализ проблемы предельной субъективности стоит признать наиболее удачным и ценным в диссертационном исследовании, как и ее иллюстрация в ходе аналитики аутистической формы экзистенции. Поэтому в порядке пожелания к этому крайне интересному сюжету исследования, для дальнейшего теоретического развития темы хотелось бы обратить внимание автора на возможность плодотворного и, как представляется, перспективного сопоставления данного в диссертации описания специфических черт аутистического письма с философским положением Б. Спинозы о том, что «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей». Также философскому раскрытию внутреннего мира аутиста может содействовать рассмотрение базовых принципов «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, где соотношение вещей отображается в упорядоченных элементах предложения. Кроме того ряд исследователей уже высказались в том духе, что трактат Витгенштейна несет на

себе печать его аутизма.

Отмеченные выше замечания и вопросы не ставят под сомнение основные научные результаты исследования и ориентированы на прояснение авторской позиции, а также их возможную коррекцию в ходе последующих исследований диссертанта.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что диссертация **Мартыновой Светланы Александровны «Антропология предела и стратегии формирования субъективности»** является научно-исследовательским трудом, выполненным автором самостоятельно и на высоком научном уровне. Полученные автором результаты достоверны, выводы и заключения обоснованы. Предоставленные публикации и автореферат в должной мере отражают содержание диссертации. Из этого следует, что представленная диссертация соответствует требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о порядке присуждения учёных степеней, утвержденного Постановлением правительства РФ от 24 сентября 2013 г., № 842, а ее автор - заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности **09.00.13 – философская антропология, философия культуры.**

28 марта 2017 г.

кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии и
философии истории ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский
государственный университет

 Кузин И.В.

Почтовый адрес:

199034, Санкт-Петербург,

Менделеевская линия, д. 5

Тел.: (812) 328-44-08

Электронная почта: i.kuzin@spbu.ru

*Личное подлинное Кузина И.В.
заверено.*

28.03.2017